

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. Е. Зайцева

ОБЩИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ
ЛИЧНОСТЬ

ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Юлия Зайцева

Общий психологический практикум. Личность

«Санкт-Петербургский государственный университет»
2017

УДК 159.9(072)
ББК 88я73

Зайцева Ю. Е.

Общий психологический практикум. Личность / Ю. Е. Зайцева — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017

ISBN 978-5-288-05736-6

Настоящее учебное пособие посвящено изучению личности в курсе общей психологии. Оно включает теоретический материал, отражающий современные модели социально-когнитивного подхода к проблематике личности, и задания для практических занятий. Теоретическая часть состоит из семи лекций, посвященных темам «Личность и ситуация», «Личность в пространстве коммуникации», «Личность в пространстве жизненного пути». Предложенные задания снабжены методическими рекомендациями по их выполнению. Издание предназначено студентам и аспирантам, обучающимся по направлению «Психология». Может быть полезно преподавателям факультетов психологии, а также всем интересующимся современными направлениями исследований психологии личности.

УДК 159.9(072)
ББК 88я73

ISBN 978-5-288-05736-6

© Зайцева Ю. Е., 2017
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Содержание

От автора 6
I. Теоретическая часть 8
Введение 9
Тема 1. Личность и ситуация 10
Лекция 1. Черты личности: диспозициональный подход. Таксономии личностных черт[2] 10
Лекция 2. Ситуация и парадокс личности: ситуационный подход. Трехмерная модель атрибуции Г. Келли 14
Тема 2. Личность в пространстве коммуникации 20
Лекция 3. Личностные черты, проявляющиеся в межличностном взаимодействии: интерперсональный диагноз 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Ю. Е. Зайцева
Общий психологический практикум. Личность

© Ю. Е. Зайцева, 2017
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

* * *

От автора

Настоящее учебное пособие ориентировано на студентов, изучающих раздел «Личность» курсов «Общая психология» и «Общепсихологический практикум». Оно содержит дополнительные теоретические материалы и задания для практических занятий. В первой части пособия в форме интерактивных лекций представлена информация по трем основным темам: 1) «Личность и ситуация», 2) «Личность в пространстве коммуникации», 3) «Личность в пространстве жизненного пути». Списки рекомендованной литературы приводятся в конце каждой лекции. Во второй части пособия к указанным темам предлагаются серии практических заданий для их лучшего освоения. Приводятся методические рекомендации по их выполнению. Даются ссылки на все необходимые для этого инструменты.

Теоретический материал отражает современные модели социально-когнитивного подхода к проблематике личности, учитывающие ситуационный контекст, коммуникативную природу «Я» человека и его способность к принятию решений. В первой теме обсуждается проблема поведения человека в конкретной ситуации с позиции диспозиционального, ситуационного и интеракционистского подходов, а также современные модели включения ситуационных особенностей в когнитивно-аффективные паттерны личности. Во второй теме отражено, как определяют (и позволяют прогнозировать) поведение человека в сложной коммуникативной ситуации социально-когнитивные модели принятия решений в ситуации взаимозависимости (где на исход влияют другие ее участники), правила атрибуции личностных черт и теории психического другого человека (*theory of mind*). Экзистенциально-нарративное направление, представленное в третьей теме, демонстрирует возможности анализа стратегий и стилей принятия решения в пространстве жизненных выборов, с учетом когнитивных (нарративных) схем интерпретации личного опыта и экзистенциальных установок личности.

В рамках данного пособия студенты могут ознакомиться с каждым из описанных уровней изучения личности. Раздел «Личность» состоит из семи занятий. Студенты и преподаватели могут использовать пособие как теоретическое и методическое сопровождение практических занятий, а также как методические указания для самостоятельной работы студента. Для успешного освоения темы необходимо знакомство с теоретическим блоком и выполнение соответствующей серии заданий практикума. Каждому занятию соответствуют одна лекция и одно практическое задание. Кроме того, для самостоятельной работы студентов предназначено «задание 3», обобщающее первую тему. Во второй, практической, части учебного пособия представлены поэтапные инструкции для студентов для выполнения каждого задания. Все лекции и практические задания могут также быть включены в другие учебные дисциплины в качестве независимых модулей.

Благодарность

Мое собственное знакомство с ситуационным (а затем и экзистенциальным) подходом в психологии личности началось с лекций Н. В. Гришиной, впервые открывшей его студентам-психологам в середине 1990-х; с тех пор эти направления активно разрабатываются ею и ее школой. Особое отношение к когнитивно-феноменологической по сути теории К. Левина, вынесенное из этого времени, подкрепилось благодаря тренингам мастера гештальт-терапии и орг. развития Шона Гаффни. Роль когнитивных механизмов, общенаучный методологический уровень их анализа вошли в фокус моего внимания благодаря В. М. Аллахвердову и методологическим дискуссиям кафедры общей психологии, которые позволили сформировать представленный в данном пособии взгляд на место личности в общей психологии. Выражаю особую признательность всем, кто имел отношение к выходу данной книги, а также к обсуждению ее

идей и практике представленных упражнений. И, наконец, спасибо моей маме, Зайцевой Нине Борисовне, другу и соратнику, без нее данный труд не состоялся бы.

I. Теоретическая часть

Методическое замечание. Прежде чем начинать работу над очередной темой, подумайте, ответ на какой интересующий именно вас вопрос вы хотели бы получить, чему именно научиться. И не забудьте зафиксировать после прочтения, какие необходимые для ответа на ваш вопрос знания вы вынесли из данной темы, какая теоретическая модель из представленных наиболее подходит к вашему случаю, какие уточняющие вашу проблему вопросы вы могли бы теперь себе задать и какими методами вы полагаете искать на них ответы. Это поможет вам в написании отчета и позволит проследить свой профессиональный рост.

Введение

Что необходимо знать, чтобы понять другого человека? Или предсказать его поведение в определенной ситуации, выбрать или отвергнуть его как потенциального партнера в деловом проекте или в жизни в целом? Как вести себя с определенным человеком, если в силу обстоятельств уже оказался с ним «в одной лодке» и что-то идет не так, как хотелось бы?

На эти вопросы студенты часто ищут ответы в разделах дисциплин психологии, посвященных «личности». Вы также можете воспользоваться теми знаниями, которые накопили психологи до вас[1]. Столкнувшись с ограничениями в применении имеющихся у психологов моделей человека и его свойств, стоит разобраться в том, почему их так много и применение какой из них наиболее адекватно в вашем случае. Затем необходимо отделить устаревшие модели и знания от самых новых (т. е. тех, которые устареют завтра или послезавтра). И наконец, а возможно, в первую очередь, следует научиться задавать вопросы о личности так, как их задают психологи. Ведь правильно заданный вопрос – это, как говорят, половина ответа. Еще четверть успеха – за выбором наиболее подходящего метода поиска. А остальное – сохраняющийся интерес исследователя, воплощенный в ваших собственных конкретных действиях, подкрепленный настойчивостью и, самое важное, готовностью принять получившийся ответ, даже если он расходится с тем, чего вы ожидали и на что надеялись. Для того чтобы воплотить подобную идею на практике, необходимо овладеть теориями и инструментами изучения личности.

В рамках настоящего практикума мы исследуем три аспекта проявления и формирования личности: 1) в контексте поведения в типичной жизненной ситуации; 2) в контексте принятия решения в межличностном взаимодействии, в коммуникативном пространстве; 3) в контексте экзистенциального пространства жизненного пути личности.

[1] У них было на это примерно полтора столетия. Считается, что психология как наука, похожая на современную, заявила о себе в лаборатории В. Вундта, основанной в 1879 г.

Тема 1. Личность и ситуация

В рамках данной темы мы рассмотрим следующие вопросы.

1. *Что такое «личность» как общепсихологическое понятие*? Иными словами, в каких случаях и каким образом такая категория, как «личность», вводится и используется психологами не как описательный, а как объяснительный конструкт? Как знание о личности может объяснять поведение человека, а не только описывать разнообразие людей и множество их проявлений?

2. *Почему мы ведем речь не о теории личности, а о множестве теорий личности*? И что это говорит нам о науке психологии? О личности? Какие методологические проблемы мы встречаем, пытаясь изучить личность как многомерное сложное образование? Какая психическая реальность стоит за понятием «личность»?

3. *Из чего состоит личность*? Какие подструктуры мы можем выделить в личности? Какие единицы и элементы анализа мы выбираем для описания структуры личности? Каковы предпосылки формирования и логика развития отдельных свойств и функциональных систем личности? Что собой представляет личность как система?

4. *Что изменится, если смотреть на «личность в ситуации»*? Как учитывать при предсказании и объяснении поведения человека взаимовлияние факторов личности и ситуации? Существует ли личность вне контекста ситуации? Какие существуют внутриличностные механизмы адаптации индивидуально-психологических особенностей к задачам и особенностям конкретных ситуаций?

Лекция 1. Черты личности: диспозициональный подход. Таксономии личностных черт[2]

Из нашего повседневного опыта хорошо известно, что, с одной стороны «люди разные», а с другой – «люди похожи на самих себя». В течение всей нашей жизни мы учимся учитывать эти различия. Когда перед нашими глазами проходит множество людей, поведение которых мы наблюдаем, мы интуитивно начинаем объединять их в группы. Замечая, чем некоторые люди схожи между собой и чем значительно отличаются от других, мы учимся ясно описывать данные различия, пополняя богатство литературного языка удачными метафорами и новыми прилагательными. Одни быстрее заметят различия в «силе духа», другие – обратят внимание на «красоту» и «безвкусицу», третьи увидят «доброту» или «своекорыстие». Такие конструкты позволяют понятно описывать психологическую реальность. Вскоре подобное описание начинает использоваться и для объяснения поведения. «Он просто такой человек» – частая замена поиску иных причин поступков. Психологи активно исследуют наличие у людей внутренних детерминант, обеспечивающих склонность к определенному поведению. Особый интерес вызывают генетически детерминированные, проявляющиеся у людей разных культур особенности (McCrae, Costa, 2004). Эти характеристики получили в психологии название «личностная черта», или «диспозиция».

Существует несколько подходов к пониманию термина «диспозиция», или «черта». Согласно первому подходу, черта рассматривается именно как любая внутренняя причина поведения (то, почему в одинаковых ситуациях люди ведут себя по-разному, а в различных ситуациях человек может вести себя схожим образом). Второй подход предполагает исполь-

[2] Основана на материалах главы «Диспозициональная парадигма» учебника Д. Басса, Р. Ларсона «Психология личности: сферы знаний о человеческой природе» (Larsen R., Buss D. Personality Psychology. Domains of knowledge about human nature. Part 1. Te Dispositional Domain. 5th edition. New York, 2014. P. 56–156).

зование конструкта «черта» исключительно как описательного обобщения типичного поведения (этот человек чаще всего так поступает в самых разных ситуациях). Здесь мы говорим, что «человек ревнивый», имея в виду, что он ревнует в девяти случаях из десяти, и вовсе не потому, что в этих конкретных ситуациях его что-то заставляет ревновать.

Рассматриваем ли мы черты (диспозиции) как поведение, которое систематически воспроизводится, или как внутреннюю предрасположенность вести себя определенным образом в типичной ситуации, измерение личностных черт позволяет нам делать прогнозы поведения человека. Частота проявлений определенного поведения традиционно рассматривается как мера выраженности черты.

Можно выделить следующие основные подходы к поиску перечня наиболее существенных личностных диспозиций (черт):

– лексический подход (обращение к тезаурусу литературного языка, обобщение синонимов характеристик личности, выявление кросскультурных универсалий среди таких описаний);

– статистический подход (факторный анализ эмпирических данных самоописаний, наблюдения, жизнеописаний, результатов жизнедеятельности и экспериментов);

– теоретический подход (дедуктивное использование теоретических конструктов определенных теорий личности). Литературный язык содержит в себе структурированную систему описаний личности, обобщающую опыт взаимодействия между людьми в рамках определенного культурно-исторического контекста. Г. Оллпорт (Allport, Odbert, 1936), Р. Кеттелл (Cattell, 1943), У. Норман (Norman, 1963) осуществляли поиск личностных черт в современном им лексическом словаре, изучая перечень личных прилагательных. Этими учеными проводился анализ синонимов, а затем изучение словарей других языков с целью выявить кросскультурные универсалии (встречающиеся во всех языках при описании личности). Такие характеристики и рассматривались как всеобщие черты, наиболее существенные для описания личности. Последнее утверждение носит название «лексическая гипотеза» («*все важные индивидуальные различия зафиксированы в языке*»). Лексическая гипотеза, помимо прочего, указывает и на роль языка в понимании и восприятии человеком другого человека и самого себя. Отражая обратную сторону лексической гипотезы в современной парадигме социального конструирования реальности (социального конструкционизма), П. Бергер и Т. Лукман (1966, цит. по: Бергер, Лукман, 1995) указывают на «порождение» тех или иных личностных черт социальным договором, зафиксированным в языке.

Статистический подход в исследовании личностных черт тоже начинается с лексического, но опирается на множественные оценки человека по параметрам описаний личности в целом и его поведения, статистически значимо часто коррелирующие друг с другом. Такие эмпирически индуктивно полученные связанные описания рассматриваются как факторы, или черты личности. Статистический подход представлен, в частности, широко применяемой в психологии XX в. 16-факторной моделью личностных черт Р. Кеттелла (Cattell, 1943). Методологию построения теоретической модели личности на базе эмпирического исследования Раймонд Кеттелл разработал, предложив факторизовать совокупность трех типов фактов: L-данные (данные жизнеописания), Q-данные (данные опросников, самонаблюдения), T-данные (данные тестов).

Теоретический дедуктивный подход начинает работу по описанию черт не с измерения и оценки, а с теоретического обоснования необходимости введения определенного конструкта как значимой личностной диспозиции. В качестве примера такого подхода можно привести теорию типов и основных черт личности Г. Айзенка (Eysenck, 1947; Айзенк, 1999).

Современные методы измерения черт личности включают в себя: 1) анализ фактов биографии, в том числе следы пребывания в виртуальном пространстве (профили в социальных сетях, истории поисковых запросов и предпочтений, следы геопозиционирования и пр.); 2)

опросы и интервьюирование экспертов – людей, имеющих регулярные деловые и личные контакты с объектом исследования;

3) опросники (испытуемый сам выступает как эксперт своей жизни);

4) личностные тесты (в процессе исследования испытуемый проявляет исследуемую черту); 5) многофакторные опросники (совокупность методов с целью выявления профиля черт, или типа личности).

Прежде чем оценить меру выраженности черты, необходимо решить ряд задач:

– во-первых, осуществить поиск прототипичного проявления черты (типичного или наиболее яркого поведенческого паттерна, который будет считаться «прототипом», или «парадигмой», для диагностики данной черты);

– во-вторых, сформулировать прототипическое суждение (формулировка наиболее характерных описаний такого поведения), которое может впоследствии войти в опросник;

– в-третьих, определиться со способом фиксации частоты проявления типичного поведения.

Например, мы хотели бы измерить «смелость» человека. Прежде всего необходимо определить, какое поведение будет считаться ее проявлением и для какой «типичной» ситуации данное поведение характерно. Будет ли, например, отсутствие переживания страха в ситуации потенциальной угрозы показательным проявлением смелости? Или, скорее, речь идет о способности сохранять контроль над эффективностью своей деятельности в ситуации, интерпретируемой самим человеком как ситуация риска и угрозы?

Затем мы должны понять, какое описание ситуации и поведения в ней будет наиболее точным и понятным? Например, мы можем описать поступки человека во время пожара, после автоаварии или во время войны, но у многих ли молодых людей есть такой реальный жизненный опыт? Смогут ли они узнать по описанию свое поведение или будут фантазировать о нем исключительно гипотетически? Мы можем, конечно, смоделировать точную искусственную ситуацию риска, но опять же будет ли эта ситуация «экологична», т. е. соответствовать реальному жизненному опыту человека?

Наконец, мы можем спросить напрямую, часто ли человек испытывает страх и способен ли преодолевать его без ущерба для выполняемой им деятельности? Однако здесь возникает вопрос о единообразии понимания термина «часто» и схожести ситуаций, которые будут представлять испытуемые. Все это превращает деятельность по описанию «прототипического» поведения в сложную длительную ответственную работу, проводимую психологами при конструировании и валидизации личностных опросников.

Как организованы черты личности? Можем ли мы найти аналог «периодической системы Менделеева» для черт личности? Возможно ли в принципе создание такой системы, в которую входили бы все значимые черты? Относительная популярность таксономий личностных черт в среде психологического сообщества изменялась со временем. На данный момент несколько моделей претендуют на наибольшую полноту описания личности. Среди них в первую очередь «Большая пятерка личностных черт» У. Нормана (Norman, 1963), П. Косты и Р. МакКрея (McCrae, Costa, 1987, 1997, 2004).

Постулаты пятифакторной теории личности можно сформулировать следующим образом (цит. по: Нартова-Бочавер, 2008, с. 68–69, с. 154–155). Во-первых, все взрослые люди могут быть охарактеризованы специфической комбинацией личностных черт, влияющих на мысли, чувства и поведение (постулат об индивидуальности). Во-вторых, изучаемые черты личности есть эндогенные базовые тенденции (постулат о происхождении). В-третьих, черты развиваются в детстве, окончательно формируются во взрослом возрасте и сохраняют свою неизменность у адаптированных субъектов (постулат о развитии). В-четвертых, черты органи-

зованы иерархически, от узких и специфичных до широких, более общих диспозиций (постулат о структуре). «Большая пятерка» факторов включает в себя следующие черты[3]:

1) экстраверсия (вовлеченность) – общительность, напористость или спокойствие, пассивность. Для экстравертов характерны теплота, склонность находиться в обществе, уверенность в себе, активность, поиск новых впечатлений, положительные эмоции;

2) доброжелательность (приятность) – доброта, доверчивость, теплота или враждебность, эгоизм, недоверчивость. Доверие, простодушие, прямота, альтруизм, склонность соглашаться, скромность, идеализм и сострадание характеризуют доброжелательных людей;

3) добросовестность (надежность) – организованность, основательность, надежность или беззаботность, небрежность, ненадежность. Добросовестным важны компетентность, порядок, обязательность, стремление к достижениям, самодисциплина, осторожность, взвешенность;

4) эмоциональная стабильность – расслабленность, уравновешенность, устойчивость или нейротизм, нервозность, удрученность, раздражительность. Тревожность, враждебность, депрессия, застенчивость, импульсивность, ранимость описывают человека с нейротизмом;

5) культурность, открытость к опыту – спонтанность, креативность или ограниченность, заурядность, узость интересов. Фан тазия, эстетика, чувства и эмоции, действия, идеи, ценности – области проявления открытости опыту.

Исторически традиционное значение имеют таксономии:

– конституциональные подходы к личностным типам/профилям личности Э. Кречмера, У. Шелдона;

– иерархическая 3-факторная модель Г. Айзенка (экстраверсия, нейротизм, психотизм);

– 16-факторная теория Р. Кеттелла;

– интерперсональный диагноз (октограмма) Т. Лири.

Все авторы таксономий придерживаются так называемого *номотетического* подхода к личностным диспозициям, т. е. разделяют убеждение о том, что определенный набор черт присущ всем людям, но в разной степени выраженности. Поэтому по результатам измерения можно построить индивидуальный профиль черт личности. Альтернативным взглядом на проблему личностных черт является *идиографический* подход, предполагающий уникальность каждой личности. В рамках диспозициональной парадигмы (или теории черт личности) такой подход утверждает: каждый человек имеет уникальный (только ему присущий) набор черт. В лучшем случае возможно определить принадлежность личности к тому или иному типу личности по близости к прототипическому образцу.

Таким образом, личностная черта как предрасположенность вести себя определенным образом в типичной ситуации часто рассматривается как основание для прогноза схожего поведения в аналогичной жизненной ситуации или даже в широком классе ситуаций. Базовые таксономии личностных черт стараются смоделировать перечень культурно-универсальных особенностей, различающих людей, удобный для описания и прогнозирования паттернов поведения, эмоциональных реакций и особенностей саморегуляции. Номотетический подход к диспозициям предлагает описание личности через профиль универсальных личностных черт. Идиографический подход, предполагая уникальность набора особенностей каждого человека, позволяет оценить схожесть человека с определенным ярким «прототипом» и возможную принадлежность к типу личности. Наиболее популярной личностной таксономией последних десятилетий является «большая пятерка» личностных черт, популяризированная П. Костой и Р. МакКреем.

---

[3] Для лучшего запоминания состава «большой пятерки» в английской версии используют акроним OCEAN: Openness to experience – «открытость новому опыту»; Conscientiousness – «сознательность или добросовестность»; Extraversion – «экстраверсия»; Agreeableness – «доброжелательность, склонность к кооперации»; Neuroticism – «нейротизм».

Критика диспозиционального подхода в описании и измерении личности связана со склонностью описывать поведенческие акты вне контекста ситуаций, с субъективностью оценок «часто»/«редко», с игнорированием социального контекста (коммуникации, истории взаимодействия с другими субъектами), в котором проявляется поведение. В следующей лекции мы подробнее рассмотрим влияние ситуационных факторов, контекстную обусловленность поведения, а также современные социально-когнитивные модели взаимодействия личности и ситуации.

Список источников к лекции 1

Айзенк Г. Ю. Структура личности. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999. 464 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Нартова-Бочавер С. К. Дифференциальная психология: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2008. С. 68–69, 154–155.

Allport G., Odbert H. Trait-Names. A psycho-lexical study, A study from the Harvard Psychological Laboratory, Princeton, Albany // Psychological Review Company, 1936. 171 p.

Cattell R. B. Te description of personality: Basic traits resolved intoclusters // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1943. Vol. 38. P. 476–506.

Eysenck H. J. Dimensions of Personality. London: Routledge & Kegan Paul, 1947. 308 p.

Larsen R., Buss D. Te Dispositional Domain // Personality Psychology. Domains of knowledge about human nature. 5th edition. New York.: McGraw Hill Education, 2014. P. 56–156.

McCrae R., Costa P. A contemplated revision of the NEO Five-Factor Inventory // Personality and individual diferences. 2004. Vol. 36. P. 587–596.

McCrae R. R., & Costa P. T. Jr. Validation of the Five-Factor Model of personality across instruments and observers // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. P. 81–90.

McCrae R. R., & Costa P. T. Jr. Personality trait structure as a human universal // American Psychologist, 1997. Vol. 52. P. 509–516.

Norman W. T. Toward an adequate taxonomy of personality attributes: Replicated factor structure in peer nomination personality ratings // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 66. P. 574–583.

Лекция 2. Ситуация и парадокс личности: ситуационный подход. Трехмерная модель атрибуции Г. Келли

Понимание поведенческих особенностей как детерминированных исключительно внутренними причинами в виде «личностных черт» в психологическом научном сообществе порождало многочисленные споры. Недостаточный учет фактора ситуации и ее роли в детерминации поведения в логике диспозициональной парадигмы вызывал яростную критику со стороны представителей социального интеракционизма. Исследования, начатые Т. Ньюкомбом (Newcomb, 1929[4]), продолженные затем У. Мишелом (Mischel, 1968, 2004) совместно с Ю. Шода (Shoda, Mischel, 1993, Shoda et al., 2014), обратили внимание на так называемый «парадокс личности», или проблему трансситуационной изменчивости поведения. Результаты длительных наблюдений за детьми и взрослыми в ситуациях их обычного взаимодействия со сверстниками в естественной обстановке не показывали устойчивых различий в поведении между людьми с различной выраженностью личностных черт (например, высокой агрессив-

[4] *Newcomb T. M.* Consistency of certain extrovert-introvert behavior patterns in 51 problem boys. New York, 1929 (цит. по: Mischel, 2004).

ностью или экстравертированностью) во всем спектре наблюдаемых ситуаций (Mischel, 1968, 2004; Shoda, Mischel, 1993). Напротив, их поведение было весьма дифференцированным в зависимости от того, как испытуемые понимали ситуационный контекст. Человек как «сложно организованная, динамическая система, представляющая активного субъекта, функционирующего в социальном мире» (Mischel, 2004, p. 2), в норме не демонстрировал устойчивого проявления определенной «личностной черты» вне зависимости от ситуации.

К. Левин (Lewin, 1935) в своих работах о «жизненном пространстве» человека активно исследовал проблему взаимосвязи поведения с личностными и ситуационными факторами. Именно им впервые была предложена формула двойной детерминации поведения: B = f (P E), где B – психологическое поведение (Behavior); P – личность (Personality), а E – психологическая среда (Environment). Он утверждал: «…чтобы понять или предсказать психологическое по ведение (B), необходимо для каждого психологического события (действия, эмоции, речевого высказывания и т. п.) определить существующую на тот момент ситуацию в целом, т. е. текущую структуру и состояние личности (P) и психологической среды (E). B = f (P E). Каждый факт, который существует психобиологически, должен иметь место в этом поле, и только факты, которые имеют такое место, обладают динамическими эффектами (являются причиной событий). Среда во всей совокупности своих качеств (направлении, расстояниях и т. д.) должна быть определена не как физическая, но как психобиосоциальное пространство, то есть в соответствии со своей квазифизической, квазисоциальной и квазиментальной структурой» (Lewin, 1935, p. 79). Тем самым К. Левин подчеркивал и внутреннюю интеракцию личности и ситуации: ситуация влияет на текущее состояние личности, личность же интерпретирует ситуацию определенным образом.

У. Мишелом (Mischel, 1968) в свою очередь были предложены конструкты «сильная» и «слабая» ситуации по степени ее непосредственного влияния на поведение человека. Сильная ситуация определялась им как такая, в которой поведение человека практически полностью задается и ограничивается ею самой и слабо варьируется в зависимости от личностных особенностей ее участников (например, культурные ритуалы, формальные социальные процедуры или экстремальные ситуации). Слабая ситуация – та, поведение в которой вариативно и может определяться в первую очередь личностными особенностями. Адаптивность человека связана со способностью различать нюансы ситуационного контекста и адекватно «определять» ситуацию, в том числе интерпретировать ее как сильную или слабую.

Тотальность определенной формы поведения, т. е. стабильность поведения вне учета ситуации, его детерминация ярко выраженной личностной особенностью без учета ситуационных факторов рассматривается как один из критериев личностной патологии. Опираясь на фундаментальный труд по анализу психопатий П. Б. Ганнушкина (1933[5]) и используя формулировку О. В. Кербикова (1962[6]), А. Е. Личко вводит тотальность как один из трех обязательных признаков психопатии, наряду со стабильностью (длительной устойчивостью во времени) и социальной дезадаптацией. Он иллюстрирует такое поведение подростков следующими примерами: «Тотальность патологических черт характера выступает в этом возрасте особенно ярко. Подросток, наделенный психопатией, обнаруживает свой тип характера в семье и в школе, со сверстниками и со старшими, в учебе и на отдыхе, в труде и в развлечениях, в условиях обыденных и привычных, и в чрезвычайных ситуациях. Всюду и всегда гипертимный подросток кипит энергией, шизоидный отгораживается от окружения незримой завесой, а истероидный жаждет привлечь к себе внимание. Тиран дома и примерный ученик в школе, тихоня под суровой властью и разнузданный хулиган в обстановке попустительства, беглец из дома, где царит

[5] *Ганнушкин П. Б.* Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. М., 1933.

[6] *Кербиков О. В.* Клиническая динамика психопатии и неврозов. Актовая речь действ. чл. АМН СССР проф. О. В. Кербикова. М., 1962.

гнетущая атмосфера или семью раздирают противоречия, отлично уживающийся в хорошем интернате, – все они не должны причисляться к психопатам, даже если весь подростковый период происходит у них под знаком нарушенной адаптации» (Личко, 1983, с. 3). Акцентуация в данном контексте рассматривается как крайнее значение нормы, «заостренность» определенных личностных черт, нарушающая баланс влияния личностных и ситуационных факторов на поведение в пользу личности. Проявление одного или двух из трех признаков психопатологии также рассматривается как акцентуация (рис. 1).

Взаимодействие личностных и ситуационных факторов долгое время анализировалось с точки зрения доминирования одного либо другого, т. е. личность и ситуация понимались как независимые друг от друга величины. В этой системе традиционным способом разрешения проблемы трансситуационной изменчивости поведения человека являлось усреднение по частоте встречаемости или сферам применения. Иными словами, признавая вариативность поступков в различных ситуациях, у испытуемого пытались зафиксировать и описать наиболее типичное, чаще других встречающееся поведенческое проявление. Ситуация в таком случае рассматривается как «шум». Взгляд на базовые качества личности как на независимые, существующие отдельно от ситуаций и не влияющие на них, существовал довольно долгое время и сохранился во многом до сих пор. Признание существенной роли ситуационных факторов несильно изменило данную картину: детерминанты поведения ищут либо в области личности, либо в сфере непосредственного ситуационного воздействия.

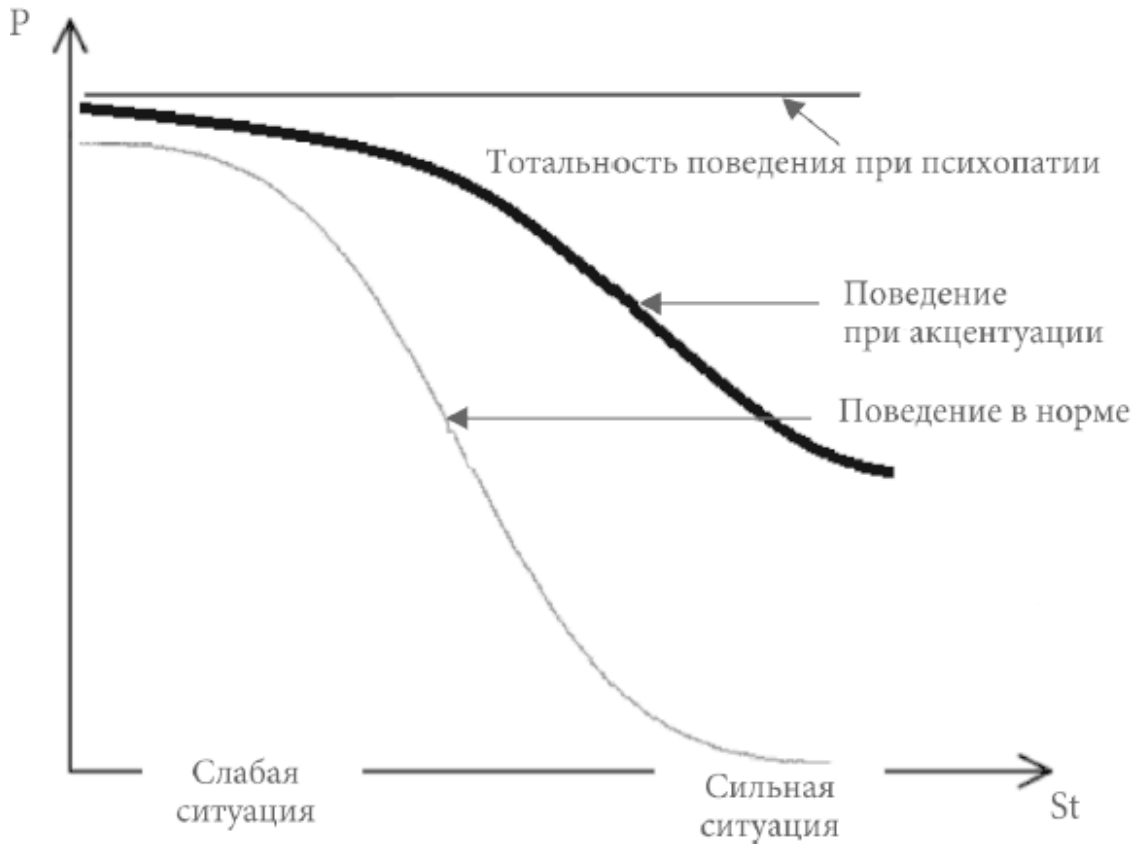

Рис. 1. **Проявление зависимости поведения человека от личностных (P) и ситуативных (St) факторов в норме, патологии (тотальность) и при акцентуациях**

Альтернативой (Shoda, Mischel, 1993; Капрара, Сервон, 2003; Mischel, 2004; Shoda et al., 2014) выступила стратегия «включения» ситуации в личностные переменные через логику актуализации, а личностных параметров – в ситуационные, через интерпретацию. С одной стороны, выявляется, какие убеждения, ожидания, цели и компетенции в области саморегуляции

активируются в личности в процессе динамического взаимодействия с ситуацией, а с другой – как человек конструирует (кодирует, оценивает) ситуацию (включая представления о себе и о других людях). Целенаправленность поведения человека влияет и на понимание смысла ситуации, и на актуализацию определенных ожиданий и механизмов саморегуляции, отсюда необходимо внесение еще одной переменной в модель личностно-ситуационного взаимодействия.

Трехмерная модель взаимосвязи личности и ситуации Гарольда Келли (Kelley, 1973), больше известная в контексте теории каузальной атрибуции, включает в себя следующие факторы: согласованность (интер-индивидуальная), последовательность (интра-индивидуальная), различительная (ситуативная) способность поведения (рис. 2). Интер-индивидуальная согласованность говорит о сходстве поведения между субъектами P_1, P_2, P_3, P_4. Так, и Роман, и Ольга, и Светлана, и Денис могут демонстрировать высокую согласованность в поведении, игнорируя новый блокбастер в кинотеатре. Параметр интра-индивидуальной последовательности поведения, например, Ольги (P_2) может выражаться в том, что последние 10 лет она совсем не ходит в кинотеатры, ни на блокбастеры, ни на утренние сеансы мультфильмов, ни на семейные комедии (T_1, T_2, T_4). Различительная же, ситуационная переменная касается целевого объекта, в данном случае конкретного фильма (E_2). Высокая различительная способность у данной переменной будет в случае, если указанный фильм (E_2) вовсе не взял кассовых сборов и на него не пошел никто, в то время как другой (E_1) оказался бестселлером у этой же целевой аудитории.

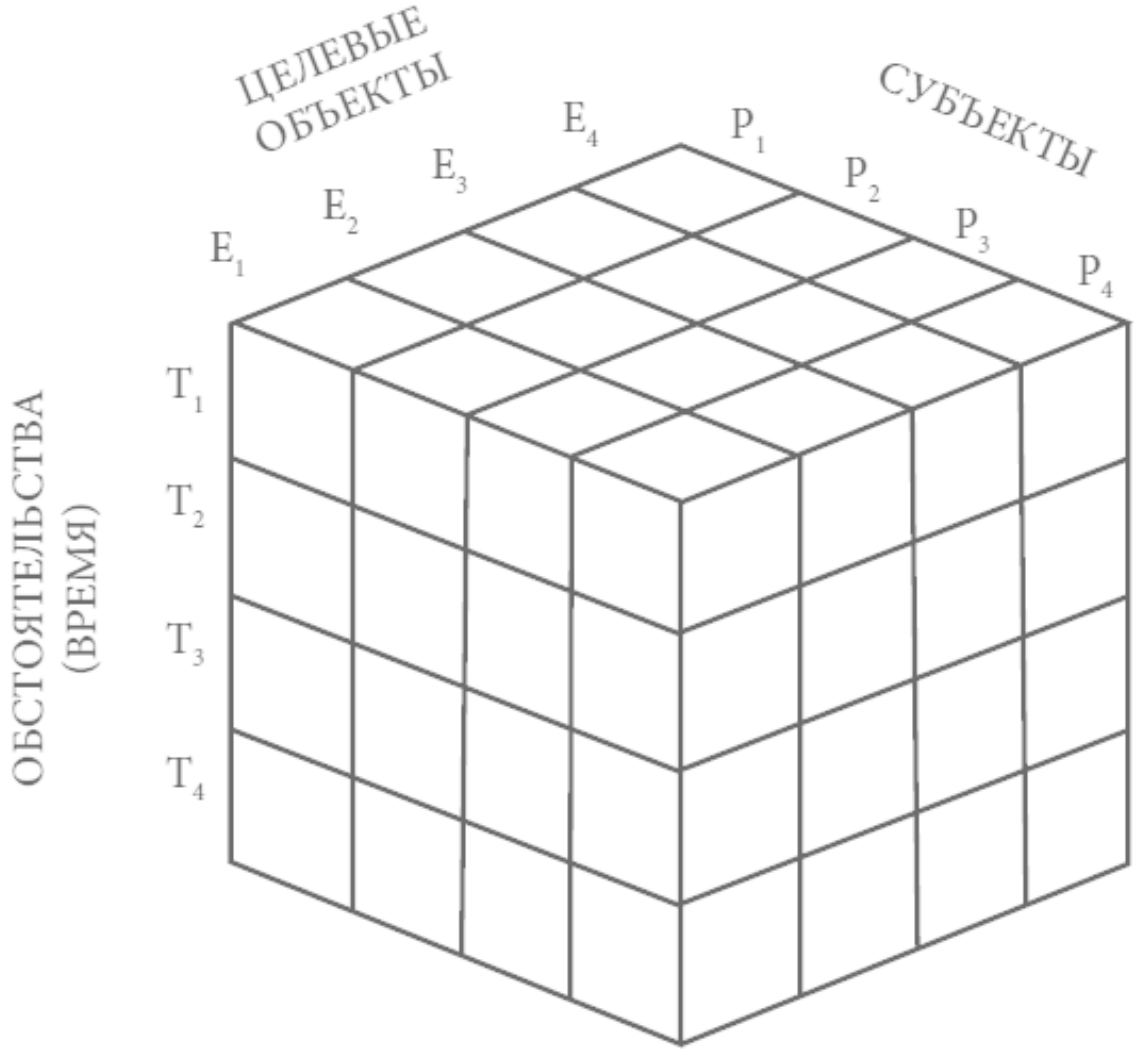

Рис. 2. **Куб Г. Келли. Трехмерная модель атрибуции причин поведения: субъект (*persons*), целевой объект (*entities*), обстоятельства, время (*time*)**[7]

Для того чтобы корректно атрибутировать причину поведения (Kelley, 1973), человек отвечает на три вопроса: 1) о консенсусе, согласованности (*consensus*): «Одинаково ли поведение большинства людей в этой ситуации?»; 2) о последовательности (*consistency*): «Различается ли поведение человека в разных ситуациях?» и 3) о ситуационных различиях (*distinctiveness*): «Именно в этой ситуации, по отношению к этим объектам или людям большинство ведет себя таким образом?». Для того чтобы утверждать, что причиной поведения является личностная черта, поведение должно обладать *низкой интер-персональной согласованностью* (например, Петя должен быть более агрессивен, чем Вася, Коля и Света в данной ситуации); *высокой интра-индивидуальной последовательностью* (он должен быть более агрессивен и утром, и днем, и вечером, и дома, и на работе, и в гостях), а также *низкой различительной способностью* (Петя должен быть агрессивен по отношению и к подчиненным, и к начальству, и к опаздывающей девушке, и к любимой бабушке). Как вы можете заметить, такое поведение не характерно для нормы и соответствует критерию тотальности в психопатии.

Нет теоретических причин ожидать (Mischel, 2004), что человек будет демонстрировать сходное поведение в различных по своему психологическому значению (смыслу) ситуациях, если они только функционально не одинаковы по смыслу. Более того, адаптивное поведение обеспечивается развитой способностью к дифференцированию, различению ситуаций. Напротив, адаптивность снижается при одинаковом поведенческом ответе на широкий класс ситуаций, нечувствительности к контексту и различиям последствий в связи с нюансами ситуаций. Постоянство имеет теоретический смысл искать в стабильных паттернах кросс-ситуативной изменчивости, а не в общем постоянстве поведения, характеризующего человека. Именно характерный для человека способ интерпретации смысла и значения ситуации приводит к специфическим различительным паттернам поведения, которые можно связать с определенными типами условий и ситуаций предсказуемым образом. Здесь мы переходим от ситуационно нейтрального описания черт при помощи прилагательных («добросовестный», «общительный») к более ситуационно-определенным характеристикам личности, контекстным, обусловленным ситуациями, при взаимодействии с которыми они и проявляются. Авторы когнитивно-социального подхода (Капрара, Сервон, 2003; Shoda et al., 2014) предлагают в качестве единицы анализа когнитивно-аффективный паттерн «если…, то…» («*if-then*»), связывающий ситуационное условие и вывод о приемлемом поведенческом ответе. Устойчивая система «если…, то» ситуационно-поведенческих взаимосвязей составляет вид «поведенческой подписи», позволяющей однозначно определить (идентифицировать) личность и задающей основу впечатления, которое личность производит на наблюдателей. Так, вместо обобщенной личностной черты «агрессивность» в качестве поведенческого автографа личности может выступать следующий паттерн: «если сверстники задирают, то проявлять агрессию», «если критикуют старшие – не проявлять», «если младшие ругают – сердиться», «если кто-либо хвалит – не доверять, огрызаться». Повторяемый во всех классах ситуаций, подходящих под заданные условия, данный паттерн является устойчивым и однозначно характеризующим конкретную личность.

Итак, поведение человека зависит от личностных и ситуационных параметров, которые являются взаимозависимыми. Коридоры вариативности поведения задаются, с одной стороны, культурными нормами приемлемого и адекватного для данной ситуации поведения, а с другой – возможностями поведенческой изменчивости, ограниченными устойчивыми паттернами личностных привычек, ограничениями в диапазоне индивидуальных возможностей.

[7] Harold Kelley's Attribution Model // Social Psychology Network. URL: https://www.socialpsychology.org/teach/cube1.htm (дата обращения: 17.12.2016).

В рамках социально-когнитивного подхода анализируется роль убеждений как гибких адаптационных механизмов, от которых зависит, насколько будут актуализированы и реализованы те личностные потенциалы, границы которых определяются биологически детерминированными чертами (такими, например, как универсалии «большой пятерки»). Социально-когнитивные механизмы работают и в процессе анализа ситуаций. Предполагается, что адаптивное поведение требует способности к тонкой дифференцировке ситуаций и, напротив, подрывается тенденциями к единообразным реакциям при отсутствии чувствительности к контексту и последствиям, вызванными нюансами. Ситуации могут быть «сильными» – однозначно задающими модель релевантного поведения, и «слабыми» – допускающими широкую вариативность поведенческих проявлений. Целью изучения современных исследователей все чаще становятся когнитивно-аффективные механизмы, опосредующие взаимодействие личности и ситуации. Проводится анализ предсказуемых закономерностей интерпретации смысла ситуации типичным для человека способом, приводящим к актуализации особенных, отличающих данного человека паттернов поведения, в ответ на определенные условия и ситуации (включая поведенческий «автограф» личности, модели CAP, «if-then»).

Таким образом, мы ознакомились с современными подходами к пониманию взаимосвязи и взаимовлияния личностных и ситуационных факторов в целом. В следующей теме мы проанализируем, что происходит, когда ситуация определяется взаимодействием нескольких человек.

Список источников к лекции 2

Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Медицина, 1983. 255 с.

Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003. 288 с.

Kelley H. H. Te processes of causal attribution // American psychologist. 1973. Vol. 28, N 2. P. 107–128.

Lewin K. A Dynamic theory of personality. Selected Papers. New York; London: McGraw-Hill Book Company, 1935. 286 p.

Mischel W. Personality and assessment. New York: Wiley, 1968. 366 p.

Mischel W. Toward an integrative science of the person // Annu. Rev. Psychol. 2004. Vol. 55. P. 1–22.

Shoda Y., Mischel W. Cognitive social approach to dispositional inferences: What if the perceiver is a cognitive-social theorist? // Personality and Social Psychology Bulletin. 1993. Vol. 19. P. 574–585.

Shoda Y., Wilson N. L., Whitsett D. D., Lee-Dussud J., Zayas V. Te person as a cognitive-afective processing system: from quantitative idiography to cumulative science / eds. M. L. Cooper, R. J. Larsen. Handbook of Personality Processes and Individual Diferences. Washington, DC: APA Press, 2014. P. 491–513.

Тема 2. Личность в пространстве коммуникации

В рамках данной темы нам необходимо исследовать следующие проблемы.

Что такое «личность» как элемент межличностного взаимодействия? Что представляет собой личность отдельного человека в контексте других людей? Как принимаются решения, если исход зависит от поведения другого человека? Что человек думает о себе и как хочет выглядеть в глазах других людей? Насколько точны наши прогнозы поведения другого человека? Насколько хорошо мы можем «читать его мысли»? Кто живет во внутреннем мире человека, кроме него самого? Как общение с другими людьми порождает нашу уникальность, наши выборы? Насколько человек может повлиять на то, кем ему быть и как вести себя с другими?

Лекция 3. Личностные черты, проявляющиеся в межличностном взаимодействии: интерперсональный диагноз

Взаимодействие личности и ситуации не ограничивается особенностями интерпретации ситуационного контекста и сознательным отбором ситуаций, в которые вовлечена личность. Чаще всего ситуации, с которым имеет дело человек, – это ситуации межличностного взаимодействия, встречи нескольких человек в определенном социальном контексте. Участники ситуации вступают во взаимодействие друг с другом. Личность может попытаться оказать влияние на ситуацию через других ее участников. Это может быть сознательная попытка управлять действиями другого человека посредством обращений, просьб, приказов или же неосознанно посредством влияния на других участников через особенности самопрезентации, управление впечатлением о себе и о своих целях, складывающимся у другого человека. Юрген Хабермас (Habermas, 1985), анализируя виды социальных действий, встречающихся в процессе межличностного взаимодействия, выделил четыре функционально отличающиеся группы.

1. *Стратегические или инструментальные акты*, характеризующиеся своим «объектным» отношением к участникам коммуникации. Другие люди рассматриваются как средства, инструменты достижения личной цели. Общение – способ открытого управления или скрытой манипуляции поведением других людей. К таким актам относятся: просьба «передать солонку» за столом, призыв командира «В атаку!», разрешение сесть от преподавателя, а также демонстративная неуспешность в поднятии тяжелой вещи, призывающая помощь со стороны соседей по купе.

Как вы можете заметить, коммуникативные акты не всегда имеют вербально-речевую форму. Демонстративное молчание – не менее «громкая» форма разговора. Само поведение при условии наблюдения со стороны других участников ситуации превращается в коммуникативный акт, вид общения между людьми.

2. *Нормативные акты*. В процессе общения часто происходит прояснение явных или подразумеваемых всеми участниками коммуникации договоров по поводу правил взаимодействия. Достижение консенсуса по поводу правил и есть нормативный акт коммуникации. Иногда он касается формата общения: мы оговариваем время и место взаимодействия, уславливаемся об очередности разговора и структурируем его тематику. Например, объявление о начале конференции само по себе становится так называемым перформативным актом[8], порождаю-

[8] *Перформатив* – термин теории речевых актов Дж. Остина (Austin, 1962). Перформативы, по мысли Остина, являются такими высказываниями, которые не описывают какие-то события, а сами являются действиями. Произнести перформативное высказывание – означает совершить тем самым соответствующие действия. К перформативам относят, например, клятвы, обещания, предупреждения, приказания. Они служат не для описания, а для преобразования положений дел в мире и манипулирования ментальными состояниями и поведением слушающих (*Austin J. L.* How to do Tings with Words: Te William James Lectures delivered at Harvard University in 1955 / eds J. O. Urmson, Marina Sbisà. Oxford, 1962).

щим социальную ситуацию регламентированного правилами конференции тематического взаимодействия. Иногда согласие требуется участникам общения по поводу смыслов и ценностей рассказываемых историй: пытаясь договориться, люди апеллируют к нормам и правилам, тем самым утверждая их и в данной коммуникативной ситуации. Формальное закрепление договоренностей в виде законов, конституции и т. п. также относится к нормативным актам.

3. *Драматургические, демонстративные акты или акты самопрезентации* , призванные управлять впечатлением других участников коммуникации о личности и намерениях говорящего. К. Седикидес (Sedikides et al., 1997) выделил четыре основных мотива самооценивания: самовозвеличивание (*self-enhancement*), самотождественность (*self-verifcation*), самопознание (*self-assessment*) и самосовершенствование (*self-improvement*). Согласно его теории, каждый из данных мотивов присутствует в логике построения нашей глобальной самооценки и участвует в саморегуляции нашего поведения. Люди могут различаться по субъективной значимости тех или иных мотивов самооценивания. Привычки, связанные с управлением впечатлением других людей о себе, также могут основываться на подчеркивании высоких достижений в одном или нескольких из этих четырех направлений. Мотив *самовозвеличивания* связан с потребностью «быть замечательным, самым лучшим» в чем-либо или, по крайней мере, казаться таковым. Стремление «пустить пыль в глаза» другим, выглядеть лучше, чем ты есть, – прямое следствие данного мотива. Согласно исследованиям Дженни Курман (Kurman, 2001; цит. по: Larson, Buss, 2008, p. 570), склонность к самовозвеличиванию характерна для большинства людей (эта склонность в некоторой степени варьируется в зависимости от культуры). В ее эксперименте от 80 % до 90 % испытуемых назвали как минимум одно положительное качество из шести предложенных, в выраженности которого они превосходят большинство остальных людей их пола и возраста. Хотя подобное невозможно статистически, но наша Я-концепция устроена именно таким образом. Мотив *самотождественности* отражает потребность быть «самим собой», узнавать себя в своих поступках и отношении к себе со стороны окружающих. Даже желание измениться, стать лучше, получить признание должно быть согласовано со способностью отождествить себя с самим собой: «это все еще я», а не какой-то другой человек на моем месте. Подчас данный мотив может тормозить процессы социальной адаптации и реабилитации, особенно в контексте привычного социального окружения. В то же время именно он поддерживает способность личности сконструировать целостную идентичность, организовать и структурировать автобиографическую память. Мотив объективного *самопознания* связан с желанием получить обратную связь о своих особенностях и способностях от «реальности», в частности, понять и оценить, как собственная личность и поступки выглядят со стороны, глазами других людей. Понимание субъективности самооценивания, частая необходимость координации своих усилий с другими людьми, склонность к рефлексии усиливают проявления данного мотива. Готовность получать отрицательную, критическую обратную связь от других отличает человека, реализующего данную мотивацию самооценивания. Мотив *самосовершенствования* связан с видением себя в динамике роста и развития. Объективные показатели успешности становятся не так важны на фоне позитивной или негативной их динамики. Так, пусть и незначительный, но прогресс в решении трудной задачи вызовет у человека, реализующего данный мотив, больше энтузиазма, чем самые высокие по сравнению с успехом других людей достижения, давшиеся легко и сразу.

Управление впечатлением других людей – процесс, предполагающий развитую «модель психического» (*theory of mind*) другого человека. Развитие этой способности наряду с формированием теории собственной Я-идентичности, Я-концепции активно осуществляется в процессе коммуникации.

4. Непосредственно *коммуникативный акт*, служащий, по мнению автора, достижению взаимопонимания, единого образа и смысла обсуждаемой ситуации. Быть понятым и понять другого – цель коммуникации как таковой. Для этого используются разнообразные средства,

однако главным остается готовность вступить в диалог, получить обратную связь, дополнить или уточнить понятое собеседником и не прерывать общения до тех пор, пока все детали не будут прояснены и консенсус относительно интерпретаций не будет достигнут.

Повторяющиеся паттерны социальных действий, в которые мы вступаем с определенными людьми, часто интерпретируются нами как проявления личностных особенностей участников коммуникации. Гарольд Келли, чью теорию атрибуции мы разбирали ранее, в своей модели взаимозависимости (*interdependence*) указывал на то, что люди в личных отношениях склонны вступать с партнером в последовательность интеракций, где один человек может оказывать влияние на другого и/или контролировать совместный результат их деятельности (собственно взаимозависимость), другой будет вынужден реагировать на результаты деятельности партнера своим встречным действием, а затем оба с большой вероятностью припишут итог взаимодействия личностным чертам партнера (Kelley, Tibaut, 1978; Kelley et al., 2003). Келли подчеркивает роль ситуационного контекста взаимозависимости в выборе партнерами тех или иных интеракций. Он предлагает формулу I = f (S, A, B), где I (interaction) – взаимодействие, A и B – выгоды и ущерб, которые могут получить или понести участники A и B при совершении определенного действия, а S – контекст определенной ситуации взаимозависимости, т. е. матрица пользы и вреда от их совместного или раздельного выбора определенных поведенческих альтернатив. Например, убрать упавшее перед машиной дерево могут только двое. Это ситуация взаимозависимости: все усилия одного не приведут к результату, если второй не подключится. Если оба возьмутся за один конец дерева, то результат также не будет достигнут. Для успеха они должны взяться за противоположные концы дерева. Предположим, один из участников данной ситуации силен и здоров: для него не имеет значения, за тонкий или толстый конец дерева браться, а второй не может поднимать тяжести из-за проблем со спиной и без ущерба для здоровья способен поднять только тонкий конец дерева. Такая ситуация неравномерной взаимозависимости и матрица возможных исходов совместных выборов приведут для одного участника к приемлемому результату только в одном случае, для другого – в двух. С большой вероятностью им придется договариваться, обмениваться недостающей информацией, возможно, спорить, пока выход не будет найден или пока один из них не согласится уступить другому, даже с ущербом для себя. Приписывая успех или неудачу в возможности договориться личностным чертам партнера, участники формируют определенные взаимоотношения. Устойчивые стратегии решения подобных ситуаций взаимозависимости описываются в терминах личностных черт и становятся основанием для прогноза конфликтов в совместной деятельности, длительных личных отношениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.